

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ФИНАНСОВОГО ОТДЕЛА В 1921–1925 гг.: КАДРЫ

Рассматривается конкретный опыт восстановления финансовых органов Томской губернии в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу в контексте решения кадровых проблем. На основе архивного материала исследуются основные направления привлечения, подготовки и воспитания работников налогового аппарата.

Ключевые слова: уездный финотдел; аппарат финансового участка; фининспектор; финансовый агент; подготовка налоговых работников.

Еще советская историография по существу точно определяла нэп как «переходный период», т.е. такой этап, когда происходило рождение новой системы, ее элементы и логика находились в сложном взаимодействии с логикой и элементами старой системы. С весны 1921 г. большевики стали восстанавливать систему товарно-денежных отношений, в которой ведущую роль стал играть Народный комиссариат финансов (НКФ) во главе с Г.Я. Сокольниковым, пользовавшийся поддержкой В.И. Ленина. Финансовая политика советского государства в 1920-е гг. неоднократно становилась объектом интереса со стороны исследователей. Однако по-прежнему недостаточно изученными остаются финансовый аппарат и его региональные отделы.

Целью настоящей статьи является рассмотрение процесса восстановления одного из важнейших органов управления в условиях новой экономической политики – финансового аппарата Томской губернии – в контексте решения кадровых проблем. Особенностью губернских финотделов в 1920-е гг. было их двойное подчинение: местной власти – губернским исполнительным комитетам советов – и НКФ. Хронологические рамки охватывают начало постепенного введения нэпа с конца весны 1921 г. и до начала октября 1925 г. Время после завершения денежной реформы в марте 1924 г. и 1925 г. – это, по нашему мнению, настоящий нэп. Что касается верхней хронологической границы (осень 1925 г.), то это не только время начала нового бюджетного года (с 1 октября), но и исчезновение в результате районирования с административной карты РСФСР Томской губернии и оформление Томского округа в составе Сибирского края.

Переход к нэпу проявился в разрешении торговли, возрождении кустарных промыслов, восстановлении денежного обращения и кредитных отношений, допуске различных форм собственности. В конце июня 1921 г. Совнарком своим декретом отменил все прежние распоряжения, ограничивающие размеры сумм денежных знаков, которые могли находиться на руках у частных лиц, а равно и размеры вкладов и денежных переводов [1. С. 80]. В июле ВЦИК и СНК утвердили «Положение о промысловом налоге». Им облагались все ненационализированные торговые и промышленные предприятия, а также личные промысловые занятия. Налог состоял из двух сборов – патентного и уравнительного. Это был первый прямой налог с несельскохозяйственного населения, введенный после перехода к нэпу, в связи с чем учреждалась должность финансового инспектора [Там же. С. 81].

В цепи этих декретов особо стоит отметить и октябрьский декрет ВЦИК этого же года «О мерах по упорядочению финансового хозяйства». Он определял направление финансовой работы в условиях нэпа. Критически отнеся к укрепившемуся за годы гражданской войны взгляду на деятельность Наркомфина как учреждения, в значительной степени отжившего и подлежащего ликвидации. Декрет возлагал на Наркомфин обязанность изыскивать способы увеличения доходов государства, контроль за расходованием денежных средств, всемерное сокращение денежной эмиссии; восстановил местные бюджеты [Там же. С. 88].

В 1922 г. был принят еще ряд важных законов для восстановления товарно-денежных отношений. Вводился вексель, отменялась обязательная сдача государству имеющегося у населения золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты, допускалось свободное распоряжение указанными металлами в изделиях и слитках и драгоценными камнями. В мае ВЦИК своим декретом обещал охранять имущественные права граждан. Все это создавало серьезную правовую базу рыночного функционирования советской экономики.

В первой половине 1920-х гг. одновременно с денежной проводилась и налоговая реформа. Ее основу составила система налогов дореволюционной России – промысловый налог, подворный налог, военный налог, квартирный налог, налог с наследства и дарения, акцизы, пошлины, гербовый сбор. Складывающаяся система налогообложения имела слабо налаженный податной аппарат и характеризовалась почти полным отсутствием данных для определения финансового положения различных категорий налогоплательщиков, что предопределяло весьма примитивные способы обложения.

Одновременно с реформой налоговой системы началось строительство налогового аппарата. В соответствии с положением о НКФ, утвержденным ВЦИК в июле 1921 г., в составе НКФ было создано Организационно-налоговое управление, которое позднее переименовали в Управление налогами и государственными доходами. Именно этим управлением активно разрабатывались новые источники получения денежного налога. И уже в конце 1922 г. Г.Я. Сокольников отмечал, что треть всех поступлений бюджета получена за счет денежного налогообложения, меньше трети – за счет выпуска банкнот, а остальная часть – за счет натурального налога [2].

Состояние фискального аппарата в стране было критическим. Старый податной режим распался, новый

сколачивался наспех. Летом 1922 г. губернские налоговые управления были укомплектованы в среднем на 5%. Налоговые чиновники были отнесены по зарплате к последней группе общенаркоматовских служащих [3. С. 142]. Схожее положение было и у Томского губернского финансового отдела (ГФО). Губернская власть была в глубокой растерянности. В ноябре 1921 г. заведующий губфинотделом В.Ф. Яргин на первом совещании налоговых работников указывал, что при восстановлении обложения торговли и промыслов приходится встречаться с разрушением налогового аппарата и полным пренебрежением местных властей к интересам финорганов. Другой докладчик сокрушенно констатировал, что к началу 1921 г. четко определилось отрицательное отношение Центра к денежному обложению: натурализация бюджета, замена всех налогов и сборов натуральными повинностями, бесплатность государственных услуг – было поставлено в основание всей государственно-экономической политики. Значение денежных знаков было сведено к нулю, и взимание их с населения в связи с падавшим курсом рубля было признано невыгодным [4. Л. 5, 33]. И вдруг спустя несколько месяцев необходимо было развернуться и встать с головы на ноги.

В силу столь стремительных изменений в советской финансовой политике, да еще в таком сложном, требующем серьезной профессиональной подготовки деле, как налоговая работа, резко обострился кадровый голод. В конце июля 1921 г. губфинотдел получил циркуляр НКФ об удержании наличных работников налоговых подотделов и о возвращении тех налоговых сотрудников, которые состояли на службе в других ведомствах. Однако попытки ГФО реализовать данный циркуляр натолкнулись на серьезное сопротивление местных органов. Это выражалось в игнорировании просьб финотдела о возвращении налоговых работников; кроме того, и сами финансовые специалисты не горели особым желанием возвращаться в ГФО, поскольку за годы Гражданской войны материальное содержание его служащих было заметно хуже, чем в целом ряде губернских структур. Не срабатывал и еще один бывший в прошлом кадровый резерв. За годы Первой мировой и Гражданской войны в Томскую губернию перебралось немало бывших специалистов-налоговиков. Однако уже в 1921 г. некоторые из них стали возвращаться на прежнее место жительства.

Неудивительно, что в августе 1921 г. губфинотдел констатировал полную неудачу в выполнении кадровой установки НКФ. В составе ГФО налоговых работников было всего 16 чел., в уездных финотделах: в Мариинском – 3, в Щегловском – 2, в Кузнецком – 1. Вернуть удалось всего одного специалиста (Хлебникова из губземотдела, бывшего податного инспектора), а вот Петрова, бывшего делопроизводителя канцелярии податного инспектора, и Бессонова, бывшего столоначальника Казенной палаты, в ГФО не отпустили. Кроме того, два специалиста налогового дела, Теодорович и Крылов, покинули финотдел в связи с возвращением на родину – в Польшу и Белоруссию [5. Л. 37]. Подобное положение со специалистами было характерно для провинциальных отдаленных от центра губерний. Так, в Петрограде основной причиной нехватки сотрудни-

ков было скорее недостаточное финансирование местного налогового органа НКФ, чем отсутствие потенциальных специалистов, представленных в Петрограде достаточным количеством бывших служащих царских финансовых и налоговых ведомств и учреждений [6]. В Томске же вместо смягчения кадровой проблемы получалось, наоборот, ее обострение.

Между тем в середине ноября 1921 г. на первом совещании налоговых работников Томской губернии были озвучены требования Наркомфина к кадровому составу. На должность финансовых инспекторов ГФО должны были назначаться исключительно лица, обладающие необходимыми специальными знаниями и достаточным опытом в налоговой области. К числу таковых относились: а) имеющие служебный стаж податных инспекторов и их помощников и б) выдержавшие при коллегиях ГФО испытания на должность податных инструкторов по программе, утвержденной НКФ, и занимающие эти должности. Списки лиц, назначенных ГФО на должности фининспекторов, должны были представляться в налоговую часть НКФ. Наркомат в свою очередь вел списки всех кандидатов на должности из бывших податных инспекторов и их помощников, не получивших еще назначения на должность фининспекторов, а также кандидатов, признанных налоговой частью вполне подготовленными к занятию этой должности. На совещании подчеркивалось, что нормальной следует считать работу фининспектора, проводящего 2/3 рабочего времени вне домашней обстановки, за изучение и проверку объектов на месте. Губернскому финотделу рекомендовалось требовать с них за известный период краткий отчет о проделанной работе; эти отчеты затем могли быть проверены губернскими ревизорами-инструкторами. При этом в силу отсутствия утвержденных специальных инструкций об их делопроизводстве фининспекторам предлагалось пока воспользоваться порядком делопроизводства бывших податных инспекторов, отличавшимся своей несложностью [4. Л. 31–31 об.]. В условиях послевоенной разрухи, полного упадка денежного хозяйства, да еще в глубокой провинции, вышеназванные требования представлялись верными, но труднореализуемыми.

К тому же борьба с классово чуждыми элементами нередко только усугубляла кадровую проблему. Так, в сентябре 1924 г. был уволен помощник инспектора по косвенным налогам К.И. Кириллов (работал в ГФО с октября 1921 г.) «за дискредитацию советской власти с выдачей компенсации за неиспользованный отпуск». Он являлся опытным профессионалом в налоговом деле. Имел высшее образование и до февраля 1917 г. работал в Томско-Семипалатинском акцизном управлении [7. Л. 7, 15]. В ноябре 1924 г. по постановлению комиссии по чистке советских учреждений были уволены со службы без выдачи выходного пособия 34 человека. Среди них по налоговому управлению: заведующий отделением В.П. Конев, инспектора по косвенным налогам А.В. Тихомиров и Н.Н. Ружевский – люди образованные и опытные специалисты [8. Л. 49, 49 об.]. Правда, подобных решений в рассматриваемый период было немного.

Основным направлением в решении кадровой проблемы стал процесс подготовки налоговых работников.

При Наркомфине работали шестимесячные курсы и краткосрочные курсы при ГФО. Однако поскольку на курсы принимались преимущественно члены РКП(б), среди которых преобладали лица с низким уровнем образования, то эффективность столь краткой подготовки была невысокой. Многим выпускникам этих курсов не хватало не только опыта, но и знаний. Но даже таких специалистов в Томской губернии в 1922–1925 гг. были единицы. Большинство же приобретало опыт и знания в процессе практической работы, обучаясь у тех, кто имел за плечами наркомфиновские курсы либо имел достаточно высокий уровень образования.

В фонде Томского губфинотдела отложились личные дела сотрудников, правда, материалов по фининспекции немного – преобладают дела машинисток, курьеров, караульных и т.д. В этих условиях наш выбор основывался на наиболее типичных работниках финансово-налогового дела. Так, в начале апреля 1923 г. в губфинотдел был направлен выпускник шестимесячных курсов С.М. Гамбарг, которого аттестовали следующим образом: «Кандидат хотя и имеет некоторые теоретические знания по налоговому делу, но не имеет практического стажа по налоговой работе и должен быть прикомандирован к участку наиболее опытного фининспектора на срок около месяца для практической работы» [9. Л. 2]. Кстати, интересную характеристику курсам дает сам С.М. Гамбарг, направленный на них по партийной линии из Ростова-на-Дону. Так, он не ожидал, что его примут, поскольку правила приема на курсы требовали не менее одного года практической работы или наличия среднего образования. Ни того ни другого у него не было. Но по прибытии в Москву оказалось, что все претенденты, в том числе и он, были приняты без всяких комиссий. В автобиографии он искренне признает, что очень сложно было усвоить большую учебную программу, «которая никак не была по моим умственным способностям и силам». Основа курсов: лекции по истмату, политэкономии, курс по финансовым наукам, по налоговому строительству царскому и революционному. Как утверждал С.М. Гамбарг, только благодаря крайне упорному труду ему удалось переварить всю программу и ввиду крайне острой нужды в работниках на местах досрочно (на 1,5 месяца раньше запланированного) выдержать экзамен при НКФ [9. Л. 57]. А на местах действительно ощущался острейший кадровый голод, который на фоне растущего числа налогов и налогоплательщиков перманентно обострялся. Поэтому буквально через два месяца с момента прибытия в Томск С.М. Гамбарг назначается исполняющим обязанности фининспектора первого участка Мариинского уезда [Там же. Л. 13].

Вот еще схожая и, на наш взгляд, типичная фигура нового налогового аппарата. А.С. Остапчук из крестьян, образование низшее – сельская школа, член РКП(б). В 1916 г. мобилизован, но не воевал, до 1917 г. был в 24-м сибирском полку. В конце 1917 г. добровольцем вступил в Красную гвардию, затем в Красную армию и служил до 1920 г. Затем командирован в Мариинск на выполнение разверстки и ликвидации банд, был уполномоченным по уезду. В 1921 г. отправлен на Алтай для ликвидации банд. В конце 1921 г. демобилизован и командирован в распоряжение Мариинского уездного

комитета партии, который направил его на продовольственную работу сначала в должности разъездного продинспектора, а в 1922 г. – старшего продинспектора и уполномоченного по борьбе со взяточничеством. В начале июня 1923 г. – новый перевод, теперь в Томск на должность разъездного инспектора Томского уезда ГФО. Ему шел двадцать пятый год. Всего через полгода он становится помощником фининспектора 3-го участка Томского уезда, а еще через год – фининспектором. В сентябре 1925 г. послан на центральные курсы НКФ, по окончании которых вернулся в Томск и в июне 1926 г. был назначен инструктором 3-го участка Томского округа [10. Л. 2–2 об.]. Правда, в отличие от С.М. Гамбарга, А.С. Остапчук, отправляясь на курсы, имел два года стажа налоговой работы. Однако большинство будущих финансовых инспекторов в губернии проходили двухмесячные курсы при ГФО, а в целом анализ личных дел, отложившихся в фонде Томского ГФО, позволяет сделать вывод, что в 1922–1925 гг. в среднем подготовка фининспектора и его помощника занимала 6–8 месяцев.

Судя по изученным личным делам фонда Томского губфинотдела, многие типичные черты можно выявить на примере личного дела С.М. Гамбарга. В 1923 г. ему было двадцать пять лет, выходец из мещан, образование – два класса городского училища и шестимесячные курсы НКФ. В Красной армии с 1919 по 1922 г. прослужил в должности писаря, делопроизводителя, там и вступил в РКП(б) [9. Л. 49]. Конечно, с таким уровнем образования и почти отсутствием прочных практических навыков выполнять огромный объем налоговой работы на необъятных просторах Томской губернии было чрезвычайно сложно. Об этом свидетельствовало его заявление от 16 ноября 1924 г. председателю Томского губисполкома. В нем отмечалось: «...вследствие полной изнуренности моего здоровья в результате непрерывных налоговых кампаний и четырех перебросок за последние 2 года, меня из села Болотное никуда не перебрасывать», в противном случае просил его уволить [9. Л. 39]. И действительно, работа уездных налоговиков была чрезвычайно напряженной, полной различного рода конфликтов не только с плательщиками налогов, но и с уездными и волостными властями. Известный российский специалист в области налогов П.П. Гензель в 1927 г. называл 1923–1924 гг. периодом максимального напряжения налоговых ресурсов СССР, когда НКФ проводил политику решительного нажима в сборе налогов, которая в свою очередь совпала с курсом борьбы против частного капитала. Это, по мнению П.П. Гензеля, создавало «чрезмерное нервирование, которому подвергался на практике фининспектор, факт административного нажима и запугивание фининспектора по части недостаточной “энергии” довольно широко распространен» [11. С. 13, 79]. Действительно, такой нажим был популярен у руководства налоговых органов. Например, приказ Уполнаркомфина по Сибири от 30 мая 1923 г. в качестве существенного дефекта налогового дела считал «чрезвычайную нерешительность в применении к неисправимым налогоплательщикам установленных законных мер понуждения» и требовал очистить аппарат от бездеятельных и мягкотелых элементов [12. Л. 11об.]. Заведующий губфинот-

делом в июле 1924 г. своим приказом объявил месячник ликвидации недоимок и предложил привести все финансовые аппараты ГФО «в боевую готовность» и за месяц ликвидировать все недоимки. От финансовых работников приказ потребовал «проявить полную энергию и настойчивость в успешном проведении месячника» [13. Л. 167]. Вообще же вокруг финансовых инспекторов складывалась своеобразная зона отчуждения, поскольку их отождествляли со всей постоянно меняющейся и весьма обременительной налоговой системой, особенно для крестьян и частного капитала. Известный советский историк Б.С. Веселовский в своем дневнике в начале марта 1923 г. относительно налогов и налоговиков записал: «Чрезмерно высокие налоги и безобразия, совершенно произвольная раскладка их разоряют торговлю и ремесла. За последние месяцы закрыто множество магазинов, лавок, мастерских» [14. С. 71].

С другой стороны, в столь напряженной налоговой работе, которая нередко носила характер непрерывных кампаний, начинающие налоговики быстро набирались столь необходимого практического опыта. В начале 1925 г. заведующий Томским ГФО Р.К. Линде так характеризовал фининспектора С.М. Гамбарга: энергичен, но недостаточно дисциплинирован, руководит с инициативой, работоспособный, болезненный, нервный, усердный, настойчивый, добросовестный [Там же. Л. 61]. В этом наборе положительных черт обращает на себя внимание единственный недостаток – не дисциплинирован. Так, в приказе заведующего ГФО от 4 марта 1925 г. фининспектору четвертого участка Томского уезда С.М. Гамбаргу за самовольные поездки в Томск был объявлен выговор с занесением в личное дело и предупреждением, что при повторении подобных нарушений к нему будут применены более строгие меры вплоть до увольнения со службы и предания суду [9. Л. 90]. Некоторая суровость приказа, возможно, была связана с желанием С.М. Гамбарга перебраться в Новониколаевск в аппарат Управления Уполномоченного Наркомфина по Сибири, куда, собственно, он и был переведен в середине марта 1925 г. [Там же. Л. 50]. Кстати, сей канал утечки кадров руководством Томского ГФО воспринимался весьма болезненно.

Судя по изученным приказам и личным делам, значительной части налоговых работников приходилось сталкиваться с подобной характеристикой. Так, еще в середине 1923 г. заведующим ГФО Р.К. Линде был издан приказ, в котором он потребовал безотлагательно прекратить самовольные отлучки и оставление финангентами своих районов, допуская такое оставление лишь в крайних случаях и только с ведома и предварительного согласия своего фининспектора [12. Л. 20]. Однако приказу не суждено было изжить такие нарушения и в 1925 г., более того, как видно из вышеприведенных фактов, этим «страдали» и фининспекторы.

Распространенность такого нарушения, на наш взгляд, напрямую была связана с большой трудовой нагрузкой налоговиков в уездах. Бывший финансовый инспектор Г.В. Дарков в своих воспоминаниях подчеркивал колоссальную нагрузку, которую приходилось выдерживать этой категории работников. На фининспектора возлагались ответственные задачи – проведение всех государственных и местных налогов и сборов,

наблюдение за правильностью и своевременностью поступления в кассы Наркомфина всякого рода государственных и местных доходов налогового характера. Его задачей было, применяя различные способы, в частности пользуясь данными железных дорог о получаемых и отправляемых грузах, выборками из бухгалтерских книг государственных организаций, обеспечить правильное обложение налогами в соответствии с многочисленными положениями, инструкциями и разъяснениями вышестоящих финорганов, а также вскрывать случаи укрытых налогов [15. С. 55].

Обширная территория Томской губернии, отсутствие надежной связи, неразвитая транспортная система создавали дополнительные трудности. Вообще кадровому составу губернского финотдела явно не хватало стабильности. В числе причин этого было, с одной стороны, понимание руководителями уездных финорганов перегруженности финансовых работников, отсюда желание увеличить штат, а с другой стороны, периодическое требование со стороны Наркомфина РСФСР и Уполномоченного Наркомфина по Сибири сократить число служащих. Например, личный состав ГФО и его периферийных органов на 1 апреля 1924 г. составлял 647 чел., при этом в марте приняли 24 чел., уволенных было 16, перемещенных – 32 [16. Л. 11]. Но в начале октября 1924 г. Уполнаркомфина по Сибири потребовал довести штат до 496 чел. [17. Л. 24]. На конец апреля 1925 г. штат ГФО составлял 499 чел. [18. Л. 57 об.], т.е. к концу рассматриваемого периода наблюдалась стабилизация. При этом механизм расширения, а затем сокращения кадров финорганов перманентно сохранялся. Вот как примерно проходил подобный процесс. В начале ноября 1924 г. на заседании заведующих подотделами и отделениями Мариинского уездного финотдела рассматривался вопрос о сокращении штата служащих УФО согласно полученным указаниям Томского ГФО. Заведующий УФО Лебедев предложил вариант сокращения и тут же поставил вопрос о пополнении отдела сверхштатными служащими впредь до окончания ударных работ как по сельхозналогу, так и по другим работам за счет местных средств и депозита УФО [17. Л. 2–3]. Однако поскольку местных средств зачастую не хватало, руководство уездного финотдела через некоторое время пыталось добиться от губфинотдела увеличения штата.

Проблема сверхзагруженности финансовой инспекции сохранялась на протяжении первой половины 1920-х гг. Руководство Управления Уполнаркомфина по Сибири осознавало данную проблему и пыталось как-то ее решать. Так, в апреле 1925 г. Управление в целях полной и равномерной нагрузки налогового аппарата, экономного и рационального построения штатов разработало и разослало всем фининспекторам анкетный лист. В фонде губфинотдела сохранилась анкета фининспектора пятого участка Томска. Штат этого участка был типичным: фининспектор, два финангента, делопроизводитель и канцелярский работник, итого – пять человек. В ведении этого участка было 605 домовладений, 75 торговых и 69 промышленных предприятий и 859 земельных участков, подлежащих обложению рентой. Участок выдал 384 патента. Плательщиков основного подоходного налога было 1 047 и

единовременного – 1 056. Число данных фининспектором заключений по жалобам на неправильное обложение (по всем государственным налогам) – 367 и по ходатайствам о сложении отсрочки, рассрочки и приостановлении взысканий – 80, в губкомиссию – 367. Было проведено 4 заседания участковых комиссий по промысловому налогу, 10 – по подоходному и единовременному и 7 – по ренте. Средняя затрата времени на каждое заседание составляла 4–5 часов. Число входящих бумаг – 1 870, исходящих – 1 477. Были проверены все торговые, промышленные предприятия и ремесленники. При этом было составлено 14 протоколов. В отношении правильного ведения книг фининспектор проверил 34 предприятия и составил 5 протоколов на неправильное ведение книг [19. Л. 102, 102 об., 103]. Приведенная статистика впечатляет. Ведь это работа участка за неполный 1924/25 бюджетный год, впереди еще было полгода работы. Приведенная информация полностью достоверна, поскольку имела документальное подтверждение. Вызывает сомнение лишь стопроцентная проверка всех предприятий. Дело в том, что, судя по литературе и материалам фонда ГФО, в годы нэпа государственным, кооперативными и частными предприятиями допускалось большое количество нарушений при уплате налога и ведении торговых книг. В эти годы количество протоколов о нарушениях колебалось в пределах не менее 25–30% от числа предприятий. Поэтому 19 протоколов при стопроцентной проверке вызывает определенное сомнение в действительности полного охвата всех предприятий. Но это никоим образом не отменяет общего вывода о перегруженности финансового инспектора, несущего полную ответственность за реализацию налоговой политики государства.

Такое положение дел, на наш взгляд, объясняется по крайней мере двумя обстоятельствами: налоговой политикой и низкой квалификацией налоговых работников. Например, по мере восстановления экономики выявилось отсутствие единого подхода к обложению. В податной системе совместились три расходящихся принципа – деградации, пропорциональности и регрессии. Налогоплательщик оказался в зависимости от усмотрения регулирующего налогового органа, а не закона. Уже налоговая кампания 1923–1924 гг. окончательно закрепила линию на максимальное льготирование деревенской бедноты [3. С. 144]. Значительная доля трудоемкости работы фининспектора заключалась в том, что по СССР плательщиков с годовым доходом до 1200 руб. было 83%. И, как справедливо подчеркивал П.П. Гензель, индивидуально точный учет доходов этих мелких плательщиков был практически невозможен. Он же считал целесообразным поднять квалификацию налоговых работников в отношении их знаний в бухгалтерии [11. С. 78–79].

Наркомфин пытался повысить квалификацию налоговых работников, используя для этого разные формы. Так, с января 1924 г. по его требованию в налоговом отделении губфинотдела были запланированы еженедельные технические совещания ответственных работников и инспектуры с целью детального ознакомления с распоряжениями и разрешения возникших вопросов, а также взаимного обмена информацией [20]. В конце ноября

1924 г. НКФ РСФСР предложил произвести проверочное испытание наружного налогового надзора в технических и политических познаниях [21. Л. 27]. Томский губфинотдел в конце мая 1925 г. изучил работу лекторов для налоговых работников при Томском ГФО. На этом заседании выступил и представитель курсантов Соколик, который указал, что ведение учета жалоб по сельхозналогу недостаточно усвоено курсантами, предложил добавить практических занятий по промысловому налогу и признался, что по гербовому сбору курсанты почти ничего не усвоили [Там же. Л. 1–2]. Основная причина слабого усвоения материала – низкий уровень образования большинства курсантов.

Кроме того, в том же мае ГФО провел курсы, которые можно назвать курсами повышения квалификации. На них было приглашено 50 человек, в основном это были фининспекторы, их помощники, финагенты, 30 из них представляли Томский, Мариинский и Кольчугинский уезды. Помимо этого во всех уездах состоялись проверочные испытания знаний налогового аппарата. Как это было организовано, можно судить по рапорту губинспектора прямых налогов Нестерова, который 8 июня 1925 г. в г. Щегловске работал в составе Особой комиссии. Кроме него в нее входили: заведующий уездного финотдела, представители уездного исполкома и уездного комитета РКП(б). Комиссия провела испытания знаний налогового аппарата Кольчугинского уезда. Испытанию были подвергнуты фининспектор Мартышев, помфининспектора Лыбин, Якушевский и Силуянов, завотделом взысканий Осипов, заведующий неналоговыми доходами Блажевский, делопроизводитель финучастка Сергеев. Все они были признаны пригодными к службе. Мартышев и Якушевский для пополнения знаний в области налогового законодательства, Блажевский, Сергеев, Силуянов и Осипов подтвердили свое соответствие занимаемым должностям, но оба последних – при условии пополнения знаний в области налогового законодательства [Там же. Л. 3, 14]. На наш взгляд, судя по данному рапорту, проверка знаний проходила в условиях повышенной требовательности.

Серьезное влияние на кадровый состав налоговых работников оказывала невысокая оплата их труда. Правда, к концу изучаемого периода она была повышена, но оставалась по-прежнему невысокой. Так, в ноябре 1924 г. фининспекторы в уездах получали 50 руб. в месяц, их помощники – 40 руб. и финагенты – 32 руб. [22. Л. 48]. С 1 апреля 1925 г. были установлены новые твердые ставки для должностей наружного налогового аппарата: городским фининспекторам и помощнику фининспектора первого участка Томского уезда – 77 руб., уездным фининспекторам – 62 руб., их помощникам – 39 руб., городским инспекторам по косвенным налогам – 65 руб., их помощникам – 43 руб., уездным инспекторам по косвенным налогам – 50 руб. [23. Л. 20 об.]. Для сравнения: в это же время заведующий губернским финотделом получал в месяц 144 руб., а разнорабочий – 13 руб. [18. Л. 57 об.].

На протяжении 1921–1925 гг. Томский губернский финансовый отдел возглавляли В.Ф. Яргин (1921–1922 гг.), Е.С. Кунин (1922–1923 гг.) и Р.К. Линде с

4 августа 1923 г., с 1 сентября 1925 г. назначен заведующим окрфинотделом. В фонде ГФО сохранилось только личное дело Р.К. Линде. В 1923 г. ему было 38 лет, выходец из крестьян Курляндской губернии. Образование – начальное училище, по профессии счетовод. Коммунист с 1907 г., в 1907 г. – по приговору Митавского военного суда был сослан в Сибирь на поселение. С октября 1917 г. в Екатеринбурге вел партийную и техническую работу, с августа 1918 г. по январь 1919 г. в Москве был секретарем Главмилиции, с февраля 1919 г. по март 1921 г. – заместителем и впоследствии заведующим Черниговским ГФО, с апреля 1921 г. по ноябрь 1922 г. – заведующим Ново-Николаевским ГФО, с февраля до 1 июля 1923 г. – заместителем заведующего Енисейским ГФО [24. Л. 11, 13, 61, 64 об.]. Перед нами представитель «старой большевистской гвардии», образование – низшее, но к моменту приезда в Томск за его плечами было два с половиной года работы на финансовом поприще. Если судить по его выступлениям в губернской газете «Красное знамя», например в октябре 1923 г., то он предстает последовательным и твердым сторонником

восстановления денежного хозяйства, создания крепкой и прочной базы советских финансов [25].

Таким образом, восстановление губернского финансового аппарата за период с весны 1921 г. до октября 1925 г. прошло трудный и мучительный путь от полного паралича до сформированного и в целом успешно решавшего задачи аппарата. Несмотря на противоречивость кадровой политики губфинотдела (активное привлечение профессионалов в 1921–1922 гг. и увольнение их в связи с чисткой советского аппарата в 1923–1924 гг.), к концу этого периода удалось создать работоспособный орган, который внес серьезный вклад в осуществление денежной реформы, восстановление народного хозяйства. При этом стоит подчеркнуть, что процесс отказа от «буржуазных специалистов» в первой половине 1920-х гг. в Томском ГФО носил эпизодический характер, поэтому часть специалистов продолжали трудиться в финорганах. Вместе с тем, отмечая восстановление финансового аппарата в губернии, необходимо указать на снижение уровня профессионализма губернского финансового аппарата, который серьезно отставал от дореволюционного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1950.* М. : Сов. энциклопедия, 1967. Кн. 1. 1950 с.
2. *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. М. : Юстицинформ, 2007. 416 с.
3. *Дегтев С.И.* Реформа денежной системы в нэповской России // *Денежные реформы в России: История и современность* : сб. ст. М. : Древлехранилище, 2004. С. 133–152.
4. *Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-175 (Финансовый отдел губисполкома).* Оп. 1. Д. 137.
5. *ГАТО. Ф. Р-173 (Томский губисполком).* Оп. 1. Д. 256.
6. *Старовойтова Е.Н.* Формирование и деятельность налоговых органов в Петрограде в первые годы НЭП: 1921–1923 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-ideyatelnost-nalogovykh-organov-v-petrograde-v-pervye-gody-1921-1923-gg#ixzz2nSu7adav>, свободный (дата посещения: 10.12.2013).
7. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 359.
8. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 40.
9. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 212.
10. *ГАТО. Ф. Р-269 (Финансовый отдел окрисполкома).* Оп. 2. Д. 233.
11. *Гензель П.П.* Налоговое законодательство СССР. М. : Изд-во Мосфинотдела, 1927. 216 с.
12. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 11.
13. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 13.
14. *Веселовский Б.С.* Дневники 1915–1923 гг. // *Вопросы истории.* 2001. № 2. С. 69–83.
15. *Дарков Г.В.* Налоги в годы нэпа // *Финансы СССР.* 1989. № 3. С. 55–59.
16. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 1. Д. 74.
17. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 1 Д. 109.
18. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 103.
19. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 1. Д. 54.
20. *Красное знамя.* 1924. 27 янв.
21. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 1. Д. 124.
22. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 1. Д. 88.
23. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 107.
24. *ГАТО. Ф. Р-175.* Оп. 2. Д. 457.
25. *Линде Р.К.* Советский рубль и червонец // *Красное знамя.* 1923. 23 окт.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 февраля 2014 г.

RECONSTRUCTION OF TOMSK PROVINCIAL FINANCE OFFICE IN 1921-1925: THE STAFF

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 90-96. DOI: 10.17223/15617793/382/15

Grik Nikolai A. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grik_na@mail.ru

Keywords: County Finance Department; financial inspector; financial agent; tax officer training.

The purpose of this article is to review the process of restoring one of the most important authorities of the New Economic Policy – Tomsk Provincial Finance Office in the context of solving human problems. A feature of provincial finance departments in the 1920s was their double subordination: to the local government – executive committees of provincial councils and to the People's Commissariat of Finance (NKF). In the first half of the 1920s monetary and tax reforms were carried out simultaneously. The basis of the tax reform was the tax system of the pre-revolutionary Russia such as trade tax, household tax, war tax, housing tax, inheritance and gift tax, excise tax, duties, stamp duty. Along with the reform of the tax system the formation of the tax system apparatus began. In accordance with the provisions of NKF approved by the Central Executive Committee in July 1921 Organizational and Tax Department as part of NKF was

established, which was later renamed the Department of Taxation and State Income. The state of the fiscal apparatus in the country was critical. The old taxation regime collapsed, the new one was formed hastily. In the summer of 1922 provincial tax offices were staffed by the average of 5%. Tax officers were assigned to the last salary group of the Commissariat employees. A similar situation was in the provincial financial department of Tomsk (GFO). In November 1921 the Head of GFO V.F. Yargin acknowledged that the tax apparatus was destroyed, and the local authorities treated the interests of financial institutions with disdain. In August 1921 the number of tax officers in Tomsk was only 16. In the counties it was even smaller: Mariinsk had three officers, Shcheglovsk – two, Kuznetsk – one. The main channel of the personnel problem solving was tax officer training. There were six-month courses at the People's Commissariat and short-term courses at GFO. However, many graduates of these courses lacked not only experience, but also knowledge. In this article the portrait of a tax officer of Tomsk Province is given on the basis of personal files of three employees, S.M. Gambarg, A.S. Ostapchuk and R.K. Linde. They were largely typical figures. On the one hand, they had a low level of education and lack of professional experience in taxation. On the other hand, they were the participants of the Civil War (in the Red Army), members of the Communist Party. In his memoirs former financial comptroller G.V. Darkov particularly emphasized the enormous work financial inspection had to do. The vast territory of the province, the lack of reliable communication and an undeveloped transport system created additional difficulties. In late April 1925, there were 499 people in Tomsk GFO. Despite the inconsistency of personnel policy a functioning body was established by October 1925. It made a significant contribution to the implementation of the monetary reform, to the recovery of the national economy.

REFERENCES

1. *Ekonomicheskaya zhizn' SSSR. Khronika sobytii i faktov. 1917–1950* [Economic life of the USSR. A chronicle of events and facts. 1917-1950]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. Book 1, 1950 p.
2. Timoshina T.M. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii* [The economic history of Russia]. Moscow: Yustitsinform Publ., 2007. 416 p.
3. Degtev S.I. *Reforma denezhnoy sistemy v nepovskoy Rossii* [Reform of the monetary system in NEP Russia]. In: *Denezhnye reformy v Rossii: Istoriya i sovremennost'* [The monetary reform in Russia: history and modernity]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2004, pp. 133-152.
4. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175 (Finansovyy otdel gubispolkoma [The Financial Department of the Provincial Executive Committee]). List 1. File 137.
5. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-173 (Tomskiy gubispolkom [Tomsk Provincial Executive Committee]). List 1. File 256.
6. Starovoytova E.N. *Formirovaniye i deyatelnost' nalogovykh organov v Petrograde v pervye gody NEP: 1921-1923 gg.* Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Formation and activities of tax authorities in Petrograd in the early years of the NEP: 1921-1923. Abstract of History Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2004. Available at: <http://www.disserecat.com/content/formirovaniye-ideyatelnost-nalogovykh-organov-v-petrograde-v-pervye-gody-nep1921-1923-gg#ixzz2nSu7adav>. (Accessed: 10th December 2013).
7. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 359.
8. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 40.
9. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 212.
10. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-269 (Finansovyy otdel okrispolkoma [The Finance Department of the District Executive Committee]). List 2. File 233.
11. Genzel' P.P. *Nalogovoe zakonodatel'stvo SSSR* [Tax legislation of the USSR]. Moscow: Izd-vo Mosfinotdela Publ., 1927. 216 p.
12. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 11.
13. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 13.
14. Veselovskiy B.S. *Dnevniky 1915-1923 gg.* [Diaries of 1915-1923]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2001, no. 2, pp. 69-83.
15. Darkov G.V. *Nalogi v gody nepa* [Taxes during the NEP]. *Finansy SSSR*, 1989, no. 3, pp. 55-59.
16. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 1. D.74.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 1 File 109.
18. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 103.
19. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 1. File 54.
20. *Krasnoe znamya*, January 27, 1924.
21. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 1. File 124.
22. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 1. File 88.
23. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 107.
24. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. R-175. List 2. File 457.
25. Linde R.K. *Sovetskiy rubl' i chervonets* [The Soviet ruble and chervonets]. *Krasnoe znamya*, October 23, 1923.

Received: February 04, 2014